

Посвящается моим сыновьям
Брету и Нейтану,
сердцу души моей, душе моего сердца.

Часть I

О, любовь — загадка загадок.
Не нашлось еще мудреца,
Чтобы все ее тайны раскрыл.

Уильям Батлер Йейтс

Тот, кто исполняет свой долг так,
как диктует ему естество,
никогда не грешит.

Бхагавадгита

Глава первая

Восточный Кентукки, конец июля

Сразу после того, как в первый день путешествия Райан Демарко вошел в лес, у него сел телефон. Раз уж у него пропала возможность сверять свою дорогу вверх по горе с часами и GPS, мужчина засунул свой телефон в носки и положил на дно рюкзака. На секунду он подумал убрать и свое нетабельное оружие, 40-калиберный «Глок 27», более легкий и изящный, чем «ЗИГ-Зауэр» 45-го калибра, но передумал из-за мысли о черных медведях, полосатых гремучниках, щитомордниках и диких собаках. Вряд ли он тут встретит пуму или торговца наркотиками, а сборщики женьшеня сейчас, наверное, видят седьмой сон, но каждый из вышеперечисленных все же мог представлять угрозу. К тому же без оружия он вообще чувствовал себя не в своей тарелке. Поэтому, несмотря на дополнительный вес «Глока» и кобуры, висевших на пропитавшемся потом поясе его джинсов, Демарко держал оружие наготове.

На протяжении всего дня, пока Демарко взбирался на гору, становилось то светлее, то темнее, и сменяли друг друга разные ветровые потоки — один на несколько градусов прохладнее и отдавал мхом, другой же был теплее и нес с собой тяжелый запах гни-

лой древесины, вечного разложения. Ощущение собственной неутомности, жажда, усталость, ноющие мышцы, не привыкшие к такой активности, бесконечные полчища мошек и комаров, которых привлекал пот на шее, лице и плечах, а также зов крови, бегущей по венам мужчины, были ему надежными спутниками.

Каждое из этих ощущений воспринималось с некой остротой и отстраненностью, которые и сам мужчина находил интригующими. Как если бы второй, призрачный Демарко по пятам следовал за первым и тоже пробирался вверх по склону через густой лес. При этом не только отмечая все ощущения первого, но и подслушивая его мысли, самобичевания и угрызения совести, пока он раз за разом вспоминал все ошибки вчерашнего дня. Второй Демарко наблюдал за первым с любопытством и легкой насмешкой, а иногда с некой жалостью.

Из-за густой сени деревьев высотой около сорока футов, а также второго слоя молодой поросли, в лесу не было прямых лучей солнца. Полумрак то сгущался, то рассеивался. Когда солнце ненадолго показывалось, многочисленные промежутки между листьями становились светящимися дырочками и быстро заполняли все пространство вокруг. Весь день Райан шел от одного тоненького желтого лучика с танцующими пылинками к другому, а забытое небо напоминало мигающую люминесцентную лампу, спрятанную где-то высоко наверху.

Во время привалов Демарко смотрел вверх, на кроны, и ему казалось, что листья плавают в молочно-белой воде (а если вечером, то в чернилах). Он вспоминал свое детство и леса, в которые так часто сбегал, когда в те далекие времена гнев в нем уступал место

всепоглощающей печали, переходящей в слезы. А это, в свою очередь, сейчас снова напомнило ему о семи убитых девочках, чье детство, без сомнения, было намного печальнее его. И тогда он с новыми силами устремился вверх по горе, надеясь, что очередной прилив решимости заглушит его усталость.

Высокая сень дубов и других лиственных деревьев создавала живую мозаику из листьев. Оттуда доносились карканье ворон, крики козодоев и сердитый писк белок. Лес кишел и другими животными, кроме вездесущих бурундуков, которых он заметил первыми как на земле, так и на нижних ветвях. Райан слышал, как вдалеке кричат индейки. Он охотился на кроликов и тетеревов, а однажды стоял в десяти футах от лани и ее олененка, наблюдая, как они следят за ним. Дважды он слышал гул самолетов и один раз свист вертолета, доносившиеся из-за высоких облаков.

С этой далекой реальностью у него не ассоциировались никакие запахи, разве что неожиданная свежесть, редкое, мимолетное дуновение прохладного ветерка, пересекающее его путь, даже не потревожив папоротник. Подлесок и земля же, напротив, изобиловали запахами: перегной, грибы, цветы, папоротник, мох, загнившие листья и деревья, мертвые туши и собственный пот. Однажды, в самый первый день, мужчина почувствовал запах сигаретного дыма, но с тех пор воздух наполняли разнообразные запахи леса, к которым он теперь относил и свой собственный.

Эти запахи тоже напоминали ему о юности, о тех бесконечных днях всех времен года, когда его спасали тишина и безопасность леса, его мрак приносил с собой чувство защищенности. Сейчас мужчина осознал, как сильно ему не хватало этого запаха сухих листьев

на земле, влажного слоя под ними с его густым, глинистым ароматом разложения, более легких запахов папоротника, древесной коры и гниющего бурелома. Будто ожила часть далекого прошлого — эти ароматы годами жили в его памяти, ожидая, пока он раскроет между ними окно.

А также не хватало и звуков леса. В первый же час мужчина оставил позади себя тропы вместе с туристами, шумными подростками, опьяненными своей свободой, и даже одинокими миллениалами, бредущими к любимым лагерям. Теперь самыми громкими звуками были его собственные шаги и сухой шелест листьев на фоне приглушенного и естественного.

Долгое время после смерти Томаса Хьюстона Демарко мучил низкий рокочущий звук, совершенно для него непонятный. Он не только слышал его, но и ощущал на своих барабанных перепонках. Словно на низких частотах играли басы, аккомпанируя всему, что делал Райан — пытался ли он заснуть, слушал музыку или просто сидел за столом, уставившись в окно. Почти всегда с ним, прямо как утренний кофе. Иногда он забывал про этот звук в течение дня, но в тишине тот неизбежно возвращался. Раз за разом мужчина открывал окно или дверь, чтобы проверить, не припарковался ли рядом грузовик, а может, соседи громко включили музыку, слишком низко пролетел самолет, приближается гроза или где-то далеко прогремел гром. Но ничего такого поблизости не оказывалось. Порой казалось, что звук исходит из самой земли. Когда он становился особенно назойливым, а источник его определить было невозможно, Демарко расхаживал по дому — прикладывал ухо к холодильнику или стоял в подвале с открытой дверью, склонившись всем телом в полумраке. Должно быть, что-то случи-

лось с конденсатором, вентилятором или перегруженным мотором.

Каждый раз, когда мужчина находился в тишине, искал тишины или отчаянно в ней нуждался, рокот всегда был с ним. Когда он в одиночестве просыпался среди ночи. Когда он лежал по утрам, жалея, что не поспал дольше. В душе. Один в своем кабинете с закрытой дверью. Один в своей машине с выключенным двигателем и радио. Один. Один. Одни. Рокот всегда был с ним.

В какой-то момент он уже даже решил, что звук этот у него в голове. Опухоль давит на нерв. Короткое замыкание синапса. Может, там что-то постоянно каталось, как маленькие шарики в детских игрушках. Сгущение. Нарушенный поток. Затвердевание чего-то, что не должно быть таким.

Но сейчас, за сотней футов на лесистой горе, рокот исчез. Здесь порхали птицы, а некоторые из них чирикали. Здесь белки прыгали с ветки на ветку. Жужжали насекомые, щекотали его кожу, пили его пот. Но никакого рокота. Слава богу, этот рокот закончился.

Вот уже больше пяти часов он тащился вверх по склону через этот полумрак, тишину и сырость, через утомительную летнюю жару леса. Вот уже пять часов ветви и лианы хлестали и резали его, словно мученика, пока он спотыкался о корни и валуны, падая на колени в спрятавшийся за листьями перегной, пока на каждом шагу его поджидали рычание, кваканье, валуны и камни, пока его беспрерывно кусали и жалили. И вот теперь день и ночь уже начали сливаться в одно бесконечное испытание.

Все изменилось на следующее утро — последнее утро подъема в гору, по его подсчетам. Общая высота составляла всего лишь 3100 футов, поэтому Демарко думал, что поиски не займут и половины того време-

ни. Однако он не ожидал, что лес окажется настолько темным и сбивающим с толку, что легко можно будет больше часа идти на восток и считать, что идешь на север. Не думал, сколько времени займет обходить все валуны и скользкие овраги, сколько раз ему придется устраивать привалы и насколько медленно он на самом деле двигается.

В то первое утро в лесу Демарко вылез из спального мешка, свернул и упаковал мешок и брезент, а затем встал у стройного дуба, чтобы помочиться, перед тем как взвалить на плечи рюкзак и пойти дальше. В дороге он хотел пожевать парочку кофейных зерен. На завтрак у него остались последние четыре кусочка вяленой говядины. Он надеялся, что к полудню найдет какие-нибудь признаки того, что здесь побывал человек, — мусор, едва заметный след, разделанная туша животного, запах костра.

Помочившись у дерева, мужчина застегнул ширинку и подумывал достать кофейные зерна и положить их в карман, когда в ствол дерева выстрелили из ружья и на него посыпались обломки коры. Демарко сразу же вытащил «Глок» из кобуры и почувствовал, как его лицо защипало, а глаза заслезились от коры. Затем он нырнул в укрытие за раздвоенный ствол широкого дуба в шести футах справа.

Из-за скользких листьев мужчина оказался на несколько футов дальше, и вот он уже кувыркался, скачивался, отскакивал и скользил вниз по крутому оврагу. По пути вниз он ударился затылком об острый край утеса, спрятанный за листьями, и из-за этого потерял и оружие, и сознание.

Через какой-то неопределенный промежуток времени он все лежал, еще не до конца придя в сознание, и воспринимал только плывущую высоко над головой

мозаику листьев вместе с дрожащим светом, жгучую пульсирующую боль, простреливающую от лодыжки до колена в такт бешеному пульсу, и ощущение, что за ним наблюдают.

Секунды текли, и Райан вспоминал все больше. Выстрел из ружья. Его прыжок. Долгое и беспомощное падение на дно оврага. Сейчас он лежал среди влажных листьев и чувствовал, как под ними течет медленный, но прохладный ручеек. Вскоре он вспомнил о своем оружии, согнул пустую руку и дотянулся до кожаной кобуры, которая теперь была набита листьями.

Мужчина лежал там как будто голый. Охотничий нож с лезвием в десять дюймов остался в рюкзаке у дерева. Бежать не было смысла — Демарко сомневался, что вообще сможет встать. Он пока что не хотел даже смотреть на свою ногу, боясь того, что может там увидеть. Поэтому он остался лежать неподвижно, слушая и выжидая. С дерева упал желудь. Что-то крохотное зашуршало под листом. Весь лес щелкал, скрипел и трепетал. Он потерял все в мгновение ока.

Он подумал: «Если в лесу будет умирать человек, кто-нибудь услышит?»

Эта мысль вызвала у него улыбку, но отнюдь не веселую. «Ты в дерьме», — сказал он себе.

Глава вторая

Юго-запад Кентукки, двумя днями ранее

— Их обнаружили в 2014 году, — сказал мужчина Демарко. — От семи девушек остались лишь кости.

— Меня зовут Хойл, — сказал он, но руки не протянул. В его хрипловатом голосе слышались южные